

Григорьева Л.И.: «В религиозоведение я ниоткуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла»

С Людмилой Григорьевой меня заочно познакомила незадолго до своей трагической гибели профессор Юлия Синелина — социолог-религиовед. Тогда наше с Людмилой уважение к ней мы постарались выразить в опубликованных в "Телескопе" некрологах¹... теперь мы посвящаем данный материал ее светлой памяти.

Электронное послание Синелиной от 3 февраля 2013 года было коротким и интригующим: "Борис, нашла для Вашего проекта по биографиям потрясающую кандидатку. Людмила Ильинична Григорьева из Красноярска — социолог религии, доктор наук, работает методом включенного наблюдения в НРД (новые религиозные движения). Она приезжала к нам на семинар РОС, просто потрясла меня — не жизнь, а приключенческий роман. Могу дать адрес эл. почты. Юлия". Не откладывая в "долгий ящик", я отправил Людмиле три первых вопроса и буквально через несколько дней получил от нее ответ, объемом почти в лист. Далее случилось то, чего я почти за десять лет интервьюирования социологов ни разу не делал, я отправил лишь начатый текст "третьему человеку". Им был А.Н. Алексеев — экс-

перт в области проведения различных по форме наблюдений, к тому же знающий методологию биографического анализа. Приведу лишь фрагмент реакции Алексеева: "Текст Л. Григорьевой производит очень сильное впечатление. Она, конечно, социолог-инсайдер, милостью Божьей, по каким бы иным научным ведомствам еще не числилась. ...Этакое тождество субъекта (познания) и объекта (в смысле Ухтомского). ...Сделано ею, действительно очень много (я посмотрел еще и в интернете). С ее талантами — не так диссертации, как романы писать. Кстати, слог и стиль — на очень высоком уровне".

К концу августа наша работа была завершена, — 150000 знаков. Я отправил текст интервью редактору "Телескопа" и спросил его, как быть, обычно публикуемые у нас интервью не превышают половину этого объема. Ответ Михаила Илле снял все проблемы с сокращением текста: "...прочитал не отрываясь интервью с Григорьевой. Потрясающе интересно. Предлагаю опубликовать полностью, с продолжением в 5 и 6 номерах...". Итак, публикуем начало...

Профессор Борис Докторов

— Людмила, похоже, вся Ваша жизнь связана с Красноярском: здесь родились, учились, работаете. История Ваших родителей тоже столь же плотно связана с этим городом. Вы — историк, на какую глубину Вы знаете прошлое Вашего рода?

— История нашего рода известна в моей семье до пятого — седьмого колена. Самые старые фотографии в семейном альбоме датируются второй половиной девятнадцатого века...

А генеалогическое древо и мемуары, составленные моими родителями, хранят не только имена людей со старинных фотографий, но и истории их жизни, яркие подробности, бытовые зарисовки. То, что я опишу ниже, будет лишь самое общее — история семьи, написанная "крупными мазками".

Мои мама и папа родились на противоположных полюсах бывшей Российской Империи. Папа, Илья Львович Воеводин, в буржуазной Латвии, на территории бывшего Лютенского уезда Витебской губернии, тогда — Латгалии, а мама, Элионора Абрамовна Давыдова, во Владивостоке. Год рождения обоих 1932. Встретились и поженились они в сибирском городе Красноярске, когда им было по 25 лет. Через год родился сын — Алексей Ильич (ныне преуспевающий адвокат), а еще через четыре года — дочь, автор этих строк.

Мамина семья по линии ее матери восходит к польской фамилии Парсницких. Мой прадед Николай Тихонович (которого я немного помню), из мальчика на побегушках при лавочке, поднялся до купца второй гильдии и перед самой революцией купил во Владивостоке пароход. В советское время судьба уберегла его от расправы, он работал продавцом, торговым экспертом, отличался исключительной добросовестностью и трудолюбием, даже имел грамоты "отличника советской торговли". Его супруга, моя прабабушка Мария Константиновна, была домохозяйкой и растила единственную дочку Марианну, мою будущую бабушку. Марианна Николаевна, в возрасте пятнадцати лет познакомилась с симпатичным парнем — Васей

Мясниковым, но на первое свидание пришел не он, а его брат — Виталий, который был тайно влюблен, но боялся подойти... Он — то и стал отцом моей мамочки. Происходил он из дво-

¹ Памяти Юлии Юрьевны Синелиной (1972-2013) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013, № 3, С. 63-64. <http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriain/sinelina_13.pdf>.

рянской семьи, отец его Федор Васильевич Мясников, родом из Санкт-Петербурга, до революции был довольно известным церковным регентом и православным композитором. Но революция забросила их на самую дальнюю окраину России и о своем дворянстве в те годы старались особо не вспоминать. Поживившись, Виталий Федорович и Марианна Николаевна жить стали вместе с родителями жены, фактически на их иждивении. Молодой муж работал фотографом во Владивостокской газете, сам почти мальчишка, он часто где-то пропадал, о семье заботиться толком не умел... Вместе прожили шесть лет, но отношения не заладились. Марианна Николаевна успела до замужества окончить техникум по специальности "переводчик" (немецкий и английский языки), но была вынуждена, чтобы поддержать семью материально, выучиться на бухгалтера и устроиться на работу во Владивостокский торговый порт. Там-то она и познакомилась с Абрамом Ароновичем Давыдовым, своим вторым мужем, который удочерил мою маму и дал ей свое отчество. Абрам Аронович делал все основательно, и когда в 2001 году мама отправила запрос во Владивостокский архив, то оказалось, что никаких документов, подтверждающих ее родство с Мясниковым Виталием Федоровичем, не обнаружилось. Ее родным отцом был записан Абрам Аронович. Он и правда любил ее как родную дочку, и годы, проведенные вместе, мама вспоминает как самые счастливые годы своего детства. Работал ее отчим начальником снабжения Владивостокского торгового порта и когда пришел 1937 год он узнал или почувствовал, что нужно срочно уходить от опасности. Следующие годы семья меняла места своего жительства каждые два-три года: Магадан, Колыма, Казахстан: сперва Джезказган, затем Каунрад... Там, в Казахстане, Абрам Аронович проработал всю войну, там же заболел и скончался в 1946 году от туберкулеза. Во время войны моя мама оказалась вместе с бабушкой и бабушкой в оккупированном Ставрополе. Документы с еврейским отчеством и фамилией были сожжены бабушкой сразу, соседи не выдали, и маме посчастливилось не разделить судьбу евреев, массово уничтожаемых фашистами. После войны, когда семья воссоединилась, стало понятно, что привычка менять города и веси стала для них потребностью и переезды продолжались. Так и хочется вернуть модное словечко "номадизм" — тяга к перемещению навстречу новым впечатлениям. За десять школьных лет мамочка сменила восемь школ. И до сих пор она продолжает дружить со многими своими одноклассниками, всю жизнь переписываясь и перезваниваясь с ними, приезжая в гости через всю страну. И во всех школах мама училась только на хорошо и отлично. Все предметы давались ей одинаково легко. Поэтому после школы ей было трудно определиться с тем, где же учиться дальше. Она, гуманитарий по своей природе, выбрала популярное в те годы направление и поступила на радиотехнический факультет Томского Государственного университета. Закончила с дипломом инженера по радиоэлектронике и была распределена в Красноярск. Ее семья в те годы уже жила в Красноярске. И этот город оказался последним пунктом многолетних переездов.

Случилось это так: в 1947 году они оказались во Львове, где сразу получили большую квартиру, работу, неплохой достаток по меркам послевоенного времени. Казалось бы все замечательно, живи да радуйся... но как объясняла мама: "все было не родное, чужое, не свое". Пожив здесь год, семья решила вернуться в Россию, куда-нибудь за Урал. Сперва отправились в Алтай, жили в Бийске, в селе Воеводском, потом переехали в Томск. Прожив там пять лет, поняли, что это им надоело и нужно двигаться дальше. Куда именно решили просто: расстелили на столе карту страны, поразглядывали и, ткнув пальцем наугад, решили отправиться в Якутск. Туда и поехали на поезде всем кагалом. Попутчики, узнав, что они намерены жить в Якутске, стали объяснять им, что такое мороз минус шестьдесят, дикие просторы, и прочее. У всех, особенно у деда — Николая Тихоновича, стали появляться сомнения, туда ли они вообще едут.

В Красноярске была долгая остановка — меняли локомотив, и семья отправилась погулять на привокзальную площадь. Посмотрели, обсудили и решили, что этот городок им всем нравится! Не долго думая, выгрузили свои пожитки на перрон, да и остались здесь насовсем. Это был 1956 год.

На следующий же день по газетному объявлению "требуются" Марианна Николаевна устроилась бухгалтером на первый кирпичный завод. Сразу дали жилье в бараке. А в 1958 году, ей, уже главному бухгалтеру завода, выделили квартиру в трехэтажном кирпичном доме — с печкой для готовки, топившейся дровами, с холодной водой из единственного крана на кухне, но двумя отдельными комнатами. Шли годы, квартира изменялась, печку заменили на газовую, потом на электрическую, провели горячую воду, смонтировали душ, поставили телефон. В этой квартире я родилась и выросла, там родились мои сыновья, в ней и сегодня живут мои восьмидесятилетние папа и мама.

Род по отцовской линии — из крестьян Витебской губернии. Передо мной фотография, сделанная в 1933 году. На ней мой отец, годовалый Илюша, на руках у своего деда, а вокруг родственники, взрослые и дети. Всех тридцать девять человек. Большая счастливая семья.. Сегодня в живых из них осталось трое. После освобождения из крепостной зависимости папин прадед Иван Федотович, получив небольшой надел земли, немного приторговывал, успешно ведя свои дела. Его сын Алексей, продолжая крестьянствовать, организовал такую прибыльную торговлю льном с питерскими фабриками, что в итоге сумел купить небольшое поместье Пылда. Он с любовью занимался сельским хозяйством, разбил большой фруктовый сад, выращивал лошадей, разводил племенных коров, птицу. Жили не бедно. Все доходы мой прадед вкладывал в покупку земли для сыновей. Алексей Иванович был дважды женат, и детей у него было одиннадцать человек, пять сыновей и три дочери от первой жены, два сына и дочь — от второй. Всем сыновьям прадед сумел дать образование не ниже гимназического, а трое получили высшее образование в московских институтах. Мой дедушка по отцу — Лев Алексеевич был сыном второй жены прадеда, Екатерины Семеновны, в первом браке — Акашевой. Ее сын от первого брака, единоутробный брат моего деда — Константин Акашев — первый Нарком советской авиации, легендарный соратник Ленина, расстрелянный в 1931 году. Революция и гражданская война раскололи братьев — большая часть примкнула к белой армии и сражалась против советской власти. Трое погибли, одного — Василия Алексеевича схватили сразу, как только Советские войска в 1940 году вошли в буржуазную Латвию. Найденные нашей семьей в последние десятилетия архивные документы, недоступные в советское время, рассказали о его страшной участи: пытки, Сибирь, расстрел. Мой дед, Лев Алексеевич был еще подростком в те суровые годы и его война не коснулась. Он успел окончить классическую гимназию и два года проучился на Высших агротехнических курсах в Митаве (сейчас Елгава). Получив свой надел земли, построил дом, женился на любимой девушке, родил сына и дочку. Работали все не покладая рук. Мой отец, Илья начал свою трудовую биографию летом 1939 года в неполные семь лет. Его будили в шесть утра, поили чаем и отправляли пасти скот. Дед пахал землю, бабушка доила коров, вела дом. Наемных работников у них не было, все делали сами. Бабушка рассказывала мне, что на плечах не сходили мозоли от коромысел. При этом она имела гимназическое образование, говорила на трех языках, играла на фортепиано и гитаре, лечила окрестных крестьян, обращавшихся к ней в случае необходимости. Бабушка моя — Эмилия Александровна, в девичестве Мутянка, происходила по своему отцу из обедневшего шляхетского рода. В паспорте ее, в пятой графе, и в советское время было указано "полька". Ее отец Александр Францевич женился на ее матери Франциске — простой польской крестьянке, обвенчавшись с ней, когда уже прижили совместно троих детей. Ксендз его застыдил. Бабуш-

ке моей, чтобы обвенчаться, пришлось перейти в православие. Ее польская родня охладела к ней на многие годы. Но до самой смерти бабушка моя молилась по католическому молитвеннику на польском языке, отпеть себя завещала по католическому же обряду.

Беда грянула, как и для многих семей в Латвии, четырнадцатого июня сорок первого года. Ночью за ними пришли. Взяли всех — час на сборы, по телегам и на станцию. Мужчин грузили в одни вагоны, женщин с детьми — в другие. Ни обвинения, ни суда, ни следствия. За что? Они считались зажиточными, то есть кулаками, да еще братья в белой армии воевали. Значит — враги народа. Деда бросили в Ураллаг, без права переписки, где он погиб в 1942 году, и был ему сорок один год. Бабушке моей только исполнилось тридцать, сыну Илье — девять лет, младшей сестренке Ольге — семь. Их повезли в Сибирь, в ссылку, везли долго — больше месяца, ведь теперь было не до них — двадцать второго июня началась война. От давки, жары, голода и грязи люди слабели, начались инфекции. В конце пути Эмилия Александровна заболела дизентерией в тяжелой форме и ее забрали в больницу. Детей раздали по людям. Люди их и спасли. Привезли их тогда в большое сибирское село Тасеево. Бабушка моя со слезами на глазах и папа всю жизнь вспоминали и рассказывали о том, как сибиряки несли ссыльным еду, одежду, помогали кто чем мог, делились последним. Как-то местные не боялись видеть в ссыльных просто несчастных людей, может быть этим Сибирь и отличается — большей человечностью и искренностью. "Дальше Сибири не сошлиют" — в каждой шутке есть доля шутки. Дома друг для друга всегда открыты, в гости ходили просто так, без приглашения. Это и сегодня так в сибирских деревнях и в городах, особенно северных, у тех, кто остался сибиряком по духу, а не по географической локализации.

Забегая вперед, не могу не упомянуть о том, как мне влетело, когда я, приехав в гости к бабушке и тетке, в Латвию в возрасте шести лет, тут же познакомилась с детьми во дворе и отправилась, как водится, к кому-то из них в гости. Потом бабушка и тетя меня очень ругали и стыдили, а я никак не могла понять — за что? Ведь совесть моя была чиста — ну абсолютно ничего плохого я не делала! Оказалось, что в Латвии не принято вот просто так с улицы к кому-то в дом заходить, невозможно, недопустимо. Меня это просто поразило тогда. В нашей семье гости не переводились все семь дней в неделю.

Но вернемся к истории моего отца. Бабушка выписалась из больницы сильно ослабевшей, однако сразу же пошла работать в колхоз — жить было не на что. Убрали урожай, пришла зима и ее приписали к в леспромхозу. Работа ее считалась не самой трудной: вместе с другими ссыльными они всю зиму вручную распиливали, а затем кололи и складывали дрова. Папа мой в школу пойти в ту зиму не смог — не в чем было сидеть дома и запоем читал. Напротив жила семья секретаря райкома, ушедшего на фронт, у них была прекрасная библиотека, и можно было брать книжки. К весне немного освоились, посадили картошку, но...

В июне снова по вагонам, красноярская пристань и — на крайний Север. До Туруханска сплавляли на пароходке, а там пересаживали на баржи и вниз — до Туры. Люди на баржах плакали и молились — думали, что везут топить вместе с малышами детьми. Но все обошлось сравнительно благополучно, семье отца повезло — они жили в самом поселке. Тех, кому повезло меньше, высадили прямо на высокому берегу Енисея в тайге. Выжить удалось не многим. Бабушку отправили работать на лесоповал, дети пошли осенью в школу. Но теперь уже десятилетнему Илье пришлось стать старшим мужчиной в семье: ходить в тайгу за дровами, за ягодой. Он научился ловить рыбу, что в эти голодные военные годы очень поддержало семью. А в двенадцать лет Илье стал кормильцем: создал бригаду из таких же пацанов и они стали подрабатывать, разгружая баржи на причале. За день работы мальчишкам давали булку хлеба. Так и жили до

1946 года. Потом начались послабления: разрешили переехать в Красноярск. Бабушка устроилась работать на почту и жить стало легче. А в 1947 пришло разрешение детям вернуться на Родину, в Латвию. Младшую сестру забрали родственники, их осталось не так много, а Илье попал в детский дом. Учился на одни пятерки, однокашниками стали мальчишки, осиротевшие в войну, выжившие в фашистских концлагерях. Со многими из них отец дружил всю оставшуюся жизнь. В сорок восьмом, по окончании семи классов, переведен в ремесленное училище. В 1950 — радист первого класса и распределение в Тувинскую республику. Два года в Туве радист Илье Воеводин работал с метеослужбами, с аэропортами, одновременно заканчивая восьмилетку в школе рабочей молодежи. В двадцать лет призван в армию. Три года службы в Баку в специальном подразделении радистов. Там же началось увлечение спортом — различные виды борьбы, боевое самбо. В пятьдесят шестом вернулся в Красноярск к маме и сестре, которая блестяще закончила медицинский институт (а позднее станет Заслуженным медицинским работником Латвийской ССР).

Но что интересно: несмотря на все репрессии и трудности, отец мой формировался как пламенный советский патриот. Видимо атмосфера тех лет, военное лихолетье, которое спланивало, единство судьбы, дружбы и взаимопомощи людей, с которыми вырос, вера в торжество коммунистических идеалов, все это привело моего отца, к активной общественной деятельности. Вернувшись в Красноярск, поступив работать радистом в Гидрометеослужбу, заканчивая десятилетку, он стал зачинателем и основателем Комсомольских активных отрядов по борьбе с хулиганством (КАО). Боевые комсомольские группы ребят гоняли пьяниц, дебоширов и мелких воришек, помогая милиции делать город чистым и безопасным. В эти же годы отец случайно узнал, что место захоронения погибших от ран солдат из военных госпиталей превращено в мусорную свалку и заброшено. Он поднял на ноги весь комсомольский актив. Сейчас на этом месте Площадь Победы и городской Мемориал, где золотыми буквами на камне восстановленные по архивным документам имена погибших воинов. Писал в местные газеты, столкнувшись с любой несправедливостью.

Вскоре его взяли на работу в горком комсомола инструктором. Для сына "врага народа" почти нереальное событие. Но папа был настоящим комсомольским вожаком. В возрасте двадцати пяти лет Илье поступает на историко-филологический факультет Красноярского педагогического института. Он признавался мне, что поступал убежденным филологом, а закончил вуз убежденным историком. В этом же, 1957 году они встретились и поженились с моей мамой. Знакомы до свадьбы они были фактически пять дней. В воскресенье они оказались вместе со всеми комсомольскими активистами на вокзале, где приветствовали проходящий поезд с китайскими коммунистическими соратниками, и оттуда отец отправился провожать маму до дома. В понедельник папа назначил ей свидание, но перепутал место и встретились с мамой только во вторник. В среду папа заявил, что: "Мы теперь будем самыми лучшими друзьями навсегда", на что мама ответила: "Илюша, может быть нам лучше пожениться?". Папа сказал: "Ну да! Конечно! Как это я сам не догадался!" Весь четверг он раскапывал свой паспорт в кипах книг и бумаг на рабочем столе. В пятницу они с мамой оказались на очередной комсомольской тусовке, где радостно сообщили своим товарищам о принятом решении. Те живо откликнулись: "А чего ждать-то! Давайте сегодня все и организуем!" На робкие возражения Ильи, что хорошие ботинки в ремонте, никто не отреагировал. Их отправили на горкомовской машине в ЗАГС, а в это время вскладчину накрыли большие столы. На маме было летнее зеленое платье, папа в рабочем костюме, свадьба была очень веселой! Родителей своих они оповестили на следующий день о том, что появилась еще одна молодая комсомольская семья. В нынешнем 2013 году, 23 августа исполнилось 55 лет их семейной жизни. Двое детей, шесть внуков, трое правнуков.

— Да, при такой семейной истории высока вероятность стать историком, повлияла ли семья на Ваш профессиональный выбор? Или мощнее действовали иные обстоятельства, факторы?

— Я не историк. В свою основную специальность, в которой пребываю уже двадцать лет — социологию религии, я пришла из религиоведения. А вот в религиоведение я ниоткуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла. Если меня спрашивают, когда я впервые соприкоснулась со своей темой — исследованием религиозных сообществ — честно отвечаю: "Тога примерно в три — четыре, как только стала что-то понимать". Моей первой любимой книжкой с картинками была здоровенная "Библия в картинах (гравюрах)" Постава Доре. Папа или мама охотно объясняли мне, что означают эти таинственные роскошные иллюстрации к неведомой мне книге и о каких событиях здесь повествуется. Вечерами у себя дома я регулярно присутствовала на многочасовых диспутах, где за чашкой чая с домашним вареньем отец полемизировал со своими гостями о вере и религии, философии и будущем человечества. Гости были разные: баптисты, православные, пятидесятники, старообрядцы, журналисты и преподаватели, знакомые и друзья, идейные противники и боевые соратники. Папа, блестяще владея библейскими текстами, цитируя классиков марксизма и используя философскую аргументацию, доказывал правоту коммунистических идеалов и принципов. Он, искренне убежденный в своей правоте, горел одним высоким желанием: вызволить несчастных из тенет заблуждения, мракобесия и суеверия. Спасти хороших людей для общества и будущей светлой жизни.

Эта тема пришла в жизнь моего отца, совершенно неожиданно и при этом для него вполне типично. Папа всегда кого-нибудь спасал. В нашей квартирке время от времени появлялись то пьяница, который свалился и уснул на морозе, и которого отец подобрал и притащил к нам ночевать, то какие-нибудь бедные люди, которым нужно было где-то пожить, чтобы решить проблемы с жильем и работой, то несчастный подросток, который сбежал из дому, и которого нужно было накормить и пристроить. И папа активно включался в решение их проблем. Мамочка моя относилась к этому с полным пониманием.

Однажды, по городскому радио отец услышал необычный для того времени репортаж о девушке, которую выгнали с работы и исключили из института за то, что она была верующей — баптисткой. Возмущенный такой несправедливостью, отец дозволился на радио, выяснил, где живет эта несчастная и отправился ее спасать. Ему удалось восстановить ее на работе и в институте, но то, что Октябрина (так звали девушку) попала "в лапы сектантов" не давало ему покоя. Год это был примерно шестидесятый. Забегая вперед, замечу, что и сегодня старенькая тетя Октябрина продолжает дружить с моими родителями и стала для нашей семьи почти родным человеком. Но баптисткой так и осталась. Вот эта история и столкнула Илью Львовича впервые с теми группами верующих, которые казались в советские социалистические времена экзотикой и атавизмом темного прошлого.

Протестантов в России и до и после революции и даже сегодня народ, как правило, вне зависимости от своего уровня образования и социального статуса, величает "сектантами". Для моего отца знакомство с этой реальностью было совершенным открытием. Литературы о протестантизме в библиотеке, куда папа отправился за информацией, не было практически никакой. И он решил сам все исследовать и разобраться в этом вопросе. Сегодня мы сказали бы "методом открытого включенного наблюдения", "глубинного неформализованного интервью" и так далее. А тогда это была просто жизнь, просто вера, просто желание вернуть людей в общество, для которого они были "сектантами" или даже "страшными сектантами". Он боролся с явлением, но искренне сочувствовал этим людям, дру-

жил со многими из них. Он приходил к ним на молитвенные собрания, знакомился, звал к себе в гости. Нередко после домашних диспутов, провожая своих гостей, родители передавали с ними сумки и пакеты с вещами для неимущих, зная, что там это все раздадут нуждающимся. Но не все было так лирично. Противостояние в самой сложной и значимой для людей сфере порой выливалось в неожиданно жесткие ситуации. Например, мой старший брат лет с трех стал очень сильно заикаться, едва не погиб. Зимой, переходя около нашего дома замерзшую речку вместе с сынишкой, отец столкнулся с одной знакомой пятидесятницей. И, конечно сразу начал с ней спорить, а сынишка бегал рядом по льду. Вдруг отец заметил, что собеседница, продолжая спорить, слегка изменилась в лице. Он резко обернулся и увидел, что малыш подбегает к глубокой полынье. В два прыжка папа оказался рядом с сыном, успел схватить его, высоко подняв над головой, и провалился под лед по грудь. Проходившие люди помогли им выбраться. А убежавшая пятидесятница, похоже, была разочарована, ведь она, судя по реакции, с замиранием ждала "божьей кары", которая могла бы стать супер аргументом в этой полемике. Такая вот "христианская любовь" к маленькому ребенку. Уже став взрослым, Алексей усилием воли смог полностью избавиться от заикания.

Работая над диссертацией о социальной природе баптизма, отец становится лектором "Общества "Знание" и выступает в различных аудиториях. Лектором он был и остался прекрасным: с хорошо поставленной речью, эрудированным, с тонким юмором. А самое главное — искренним и убежденным в своей высокой миссии. Я, папина любимица, уже лет, наверное, с пяти — шести была привлечена им к участию в этих лекциях. По окончании папиного выступления меня ставили на стул, и я выразительно и звонко читала стихотворение Эдуарда Багрицкого "Смерть пионерки". Килограммы бумаги с материалами так и не защищенной папиной диссертации все еще хранятся в семейных архивах. В те годы написать и защитить кандидатскую диссертацию было чрезвычайно сложно. Когда Илья Львович в 1967 году завершил работу над своим исследованием, рецензент задал ему только один вопрос. "Что это Вы тут баптистов защищать решили?" То, что в западной социологии религии уже в те годы было общим местом — функциональные особенности баптистских церквей характеризовали как "добровольные сообщества взаимного социального страхования", в нашей стране воспринималось как их апологетика и едва ли не антисоветская пропаганда. В общем, отцу порекомендовали все переделать и написать нормальный советский обличительно-разоблачительный опус. Чего он делать не стал из принципа. Ни трехкратное увеличение зарплаты, ни квартирные или иные бонусы за написание "нужного текста" отца не интересовали. Он предпочел остаться верным себе и своим взглядам. Так и не защитился, и публиковаться в научных сборниках не стал. При этом он продолжал заниматься своей работой, своими верующими. Постепенно дома большущий книжный стеллаж до потолка заполнился философской, атеистической и религиозно-ведческой литературой. Отец отслеживал все новое и интересное и, часто бывая в командировках, в том числе в Москве и других крупных городах на конференциях и семинарах по научному атеизму, привозил свежую литературу по своей теме. Журнал "Наука и религия" был выписан им с первого изданного номера и продолжал выписываться все годы вплоть до начала девяностых.

И не только. Как и во многих семьях выписывали много чего: четыре-пять газет, без которых своего существования не представляли. Из журналов: "Наука и жизнь", "Знание — Сила", "Юный техник", "Человек и закон" и конечно, любимейший "Вокруг света". Журналы хранили и перечитывали. В моем детстве телевизора у нас не было. Принципиально. Замечу, нет его у меня и сегодня. Новости и все остальное слушали по радио, там было много хорошей музыки, интересных передач,

любимый "Театр у микрофона". Вообще приоритеты в нашей семье были совершенно определенные и в этом мои родители были абсолютно солидарны. Книжки, грампластинки, поездки и путешествия, кино и театр, подарки — то, на что тратить деньги и жизнь считалось правильно и позитивно. Поэтому на всем остальном экономили. Точнее, не придавали этой второй стороне жизни — быту во всех его ипостасях — никакого особенного значения. Одежду и обувь я все детство донашивала чью-то. Тогда считалось нормальным, что знакомые и друзья, у которых были дети близкие по возрасту, отдавали еще годные к носке вещи друг другу. Питались мы очень скромно: папа, принимая толпы гостей, любил гордо приговаривать: в нашем доме всегда есть картошка! Мы ее сажали и копали. Лес тогда еще кормил грибами и ягодами, капусту солили в большой бочке, объединяясь с друзьями, у которых в квартире был балкон для ее заморозки. Мясо появлялось редко, чаще минтай, обычные яйца были "дефицитом" и воспринимались мной как изысканный деликатес. Конфеты по праздникам. Слово "фрукты" ассоциировалось только с яблоками. Зато у нас был свой (бабушкин) загородный участок с домиком — "сад", где росла малина и смородина, ранетка и клубника. Варенья наваривали столько, что на всю зиму хватало! Мебель в квартире почти вся — списанные конторские столы и стулья с драными зелеными сиденьями, самодельные табуретки и полки, но это было нормально!

Хотя на мое профессиональное становление, безусловно, повлиял мой отец, но воспитывала нас все же больше мама. Когда я думаю о маме, сами собой приходят строчки: "в Тебе все — музыка и свет.". Именно мамочка формировала домашнюю библиотеку детской и классической литературы, коллекцию поэтических сборников, альбомов по живописи, грампластинки с операми, опереттой, классической музыкой, хорошей эстрадой, детских — со сказками, песнями и стихами, — она этим жила, как дышала. Она пела нам перед сном колыбельные на музыку Шопена и Моцарта, а когда мы подросли, каждый вечер мама садилась около наших кроваток и по часу читала замечательные книжки. Изо дня в день. Из года в год. Забирая меня из детского сада, по дороге домой мама разучивала со мной стихотворения Жуковского и Фета, Есенина и Лермонтова. Помню, когда мы пришли в первый класс на первый урок, учительница предложила нам прочитать любимое стихотворение. Я, конечно, вызвалась и увлеченно начала декламировать многостраничное произведение Пушкина "Жених": "Три дня купеческая дочь, Наташа пропадала, на третий день она во двор без памяти вбежала..." На десятой примерно минуте учительница взмолилась: "Хватит, Людочка, потом расскажешь".

Мама водила нас в театры и на концерты, мастерила карнавальные костюмы для праздников и учила играть в разные интересные игры. Домашние детские праздники, которые начинались утром с сюрпризов — подарков, любовно приготовленных, а заканчивались играми, конкурсами и веселыми соревнованиями с приглашенными ребятами, всегда организовывала мама. Она, инженер по образованию, для души тоже стала лектором "Общества "Знание". Но лекции она читала по истории русской и зарубежной живописи. Дома для друзей проводила поэтические и музыкальные вечера, чудесно рисовала, а фотографией они увлекались вместе с папой.

Но все же, гораздо больше времени мы с братом проводили без родителей, предоставленные сами себе. Мама работала на заводе шесть дней в неделю с восьмью до пяти, папа преподавал, часто уезжал в командировки. Поэтому с моих шести лет и все школьные годы полдня, а иногда и больше оставалось в нашем собственном распоряжении. И мы распоряжались, как хотели! Знали бы наши родители, чем мы занимались... Мы путешествовали! Наш рабочий район на окраине города окружали пологие травяные холмы с перелесками, около дома протекала речушка, в которой тогда еще можно было купаться и даже ловить пескарей. Рядом находился кирпичный завод, по кото-

рому разрешалось беспрепятственно разгуливать, заходя во все цеха, наблюдая, как формуют и обжигают кирпичи и даже бесплатно пить газированную воду из автоматов в горячем цехе. Облазив все ближайшие окрестности, мы решили расширить территорию освоения и стали обследовать город, добираясь "зайцами" на автобусах и трамваях до самых дальних поселков на противоположной стороне Енисея. Гуляли по незнакомым улицам, заглядывали во все переулочки и закоулки. Скучно нам не было!

Но в том же возрасте возникла еще одна пламенная страсть, которая стала для меня главной и определяющей. Самым большим наслаждением оказалось чтение. Читать я научилась как-то незаметно в возрасте пяти лет, перечитала все детские книжки дома и уже в первом классе прорвалась в школьную библиотеку. Меня не хотели записывать, объясняя, что приличный первоклассник должен сперва освоить алфавит. Пришлось продемонстрировать свои умения и цель была достигнута. Потом вторая библиотека, третья. В четвертом-седьмом классах их одновременно было уже пять. Сразу после школы я брала авоську с прочитанными накануне книжками, бежала в одну из библиотек и, вернувшись с новой охапкой, читала запоем до позднего вечера. Родителей это даже тревожило: "Забьется в самый темный угол и читает, читает! Лучше бы погулять сходил". Чем старше я становилась, тем больше чтива находилось для меня и в домашней взрослой части нашей библиотеки. Собрания сочинений Гоголя и Куприна, Льва Толстого и Пушкина, Горького и Паустовского... Лет примерно в одиннадцать я стала добираться и до папиного стеллажа. Перечитала все завалы периодики, научно — популярную, историческую и этнографическую литературу по религиоведению. У папы, с которым я обсуждала прочитанное, в те годы появился новый приемчик воспитания студентов-заочников. Иногда он стал брать меня к себе на работу во время сессии. И когда бедные дяди-тети не могли ничего рассказать, папа выставлял меня вперед и командовал: "Бери билет и отвечай!" Я отвечала. Как правило, особого труда это не составляло, что-нибудь на заданную тему в памяти всегда обнаруживалось.

На лето родители старались нас куда-нибудь отправить из города. Многие годы я проводила в пионерских лагерях все три сезона. И даже полюбила эти поездки. Там нами не очень много занимались, и в свободное время можно было удрать из лагеря через дырку в заборе в лес и гулять, где хочется, находить для себя в зеленых зарослях уютные местечки, прятаться там, думать, мечтать, фантазировать. Только во Всероссийском пионерском лагере "Орленок", куда меня отправили от кружка юнкором, такой возможности не оказалось. Там с утра до вечера мы были в отряде, все время чем-то загруженные и места для спасительного одиночества не оставалось совсем. Но мне повезло. Я попала в съемочную группу кинодокументалистов режиссера Тофика Шахвердиева, снимавшего фильм о счастливых советских детях. Свободу попускаем! Я убежала из отряда к ним сразу после завтрака, и на целый день спасалась от коллективных маршировок и муштровок.

Со сверстниками отношения всегда, всю жизнь складывались приблизительно одинаково. С одной стороны, в нашем рабочем районе мою семью воспринимали как что-то ненормальное и непонятное. Расхристанный быт, толпы народа, странный образ жизни. Еще нас, как я узнала позднее, почти все считали евреями. И имена родителей к этому располагали. И, вероятно то, что понятие "еврей" и "интеллигент" наш народ воспринимает как синонимы, но относится ко всему этому с некоторым специфическим напряжением. С другой стороны, в этом отношении было некое уважение и признание ценности такой культуры. Если кому-то нужна была книжка или консультация, например, по литературе или истории, шли не в библиотеку, а к нам. Понятно, что ребята нашего двора, мои одноклассники, в целом относившиеся ко мне нормально, все же воспринимали меня как "белую ворону". И что странно: я все-

гда была очень коммуникабельна, и в пионерских лагерях, и в школе, потом в институте меня часто выбирали командиром отряда, членом совета дружины, комитета комсомола, но при этом мне всегда давали понять и почувствовать свою "инаковость".

В итоге, став старше, я находила свою "стаю", где были такие же "странные" люди, и с ними мне было хорошо. В школьные годы это были дети друзей моих родителей, в юности — ребята из КСП — клуба самодетельной (авторской) песни и "столбисты" — скалолазы и альпинисты, строившие свои спортивные избушки в заповеднике "Столбы". Говоря социологическим языком, это и были первые мне известные локальные маргинальные сообщества со своим сленгом, формой, стилем общения, жизни и понятно, со своей специфической атмосферой. Особая система ценностей, своеобразная субкультура "столбистов" была эпатажной, игровой (в смысле Хейзинги). И контрадикцией, делающей все это предельно живым и настоящим, была смерть. Многие гибли на скалах. Лазить (ходить по скалам) настоящий столбист должен был без страховки. В любое время года, на ходах любой сложности.

— Как проходили Ваши школьные годы? Оглядываясь в прошлое, какие события влияли на Вас как представителя конкретной возрастной когорты? Как Вы думаете, есть ли и в чем они заключаются различия в обстоятельствах ранней социализации (детство, школьные годы) между теми, кто жил в крупных европейских городах, и теми, кто рос "далеко от Москвы"?

— В том, что я выросла далеко от столиц, были и свои сильные стороны, и наоборот. В Сибири тогда присутствовала атмосфера особой романтики: строились крупнейшие в мире ГЭС, огромные предприятия, здесь разрабатывались космические программы, образовывались новые научные сообщества, много талантливой молодежи приезжало со всей страны. А вокруг — потрясающе красивая природа: голубая, бескрайняя, волнами сопок уходящая за горизонт тайга, могучие скалы над величественным Енисеем. Было чувство свободы, простора какой-то необъятной мощи и радости.

Чего мы не получили — естественного понимания необходимости иностранных языков. Город наш был "режимный", то есть закрытый, иностранцев дальше Урала на восток не пускали. Да и литература на иностранных языках в условиях цензуры была недоступна в принципе. Поэтому, хотя немецкий, который был в учебной программе, мне нравился (в юности даже стихи немножко на нем писала), но в целом отношение было такое: "для чего в стране советской нужен нам язык немецкий?", как и английский. А "китайская грамота" — сегодня актуальное и престижное направление обучения, — тогда была синонимом чего-то непонятного и ненужного. Отсюда — исходная одноязыкость, что, увы, не радует. В остальном же мы не чувствовали своей обделенности. Тем более, что поездки с родителями в Москву, в Ригу, в Ленинград где были родственники с обеих сторон, случались регулярно. И все самое интересное и стоящее нам показывали и рассказывали.

— Люда, многое из рассказанного Вами меняет мой почти типовой план проведения интервью. Обычно я долго пытаю моих собеседников о том, что привело их в — в широком плане — социологию. Похоже, если бы, допустим, Вы не стали социологом религии, то не я, а кто-либо другой, должен был бы спросить "Как же это Вы не стали социологом религии"? И все же, каким был Ваш путь в религиоведение как профессию и затем в социологию религии?

— Дальше напрашивается предсказуемая цепочка последовательных шагов: красный диплом — аспирантура — папина тематика — диссертация. Именно так на последних курсах института считали и многие из моих однокурсников. Меня больно задевали и страшно злили реплики типа: "Ну Воеводина-то в школу работать не пойдет! Она ведь у нас умная..." В аспиран-

туру я отказалась идти наотрез. Хотя еще с четвертого курса были предложения и на отечественную историю, и на педагогику с психологией. Я собиралась ехать по распределению — куда пошлют. Но под самое окончание института нечаянно нагрянула любовь и свидетельство о браке я получила лишь на месяц раньше диплома. Поэтому и пришлось задержаться в городе — муж заканчивал медицинский институт. В специальности выбрала что поинтереснее: пошла работать в школу — интернат для сирот и детей из проблемных семей. Преподавала историю и обществоведение. Все классы — по одному, параллелей не было, и в каждом классе — от тридцати до сорока пяти детей. Кто работал в школе, тот поймет — совладать с такой оравой, даже на уровне элементарной управляемости, — уже хорошо. Но у меня получалось. И еще был принцип: если я требую, чтобы они отвечали мне урок без подглядывания в тетрадку, то и сама должна все выдавать без конспектов и прочих "шпаргалок" по памяти. Каждый день приходилось готовить по четыре — пять уроков. Выматывалась страшно. Вечерами от усталости и напряжения просто редела. В это время мы уже ждали первенца. Сын родился в конце марта, через год с небольшим у него появился младший братишка. Ко времени выхода из декрета муж получил диплом и мы, как многие молодые семьи, решили начать самостоятельную взрослую жизнь. Распределение было получено в Тувинскую автономную республику, в самую глушь — Тандынский район, поселок Сои, противотуберкулезный санаторий, где требовался фтизиатр — заведующий отделением. Крайний юг Тувы, сто километров от Монголии. Поправляли здоровье в санатории бывшие зеки из числа здешней титульной нации и дети, которым параллельно приходилось вылечивать чесотку, глисты и педикулез. Работа нашлась и для меня. В пяти километрах находилось большое село Балгазын. Здесь была школа десятилетка и не хватало историка. Правда, директор школы Арсен Гурамович Бокучава, тоже был историком, но по — грузински ему говорить было значительно легче, чем по-русски и он с удовольствием передал мне всю нагрузку. Ее набралось аж две ставки — по шесть уроков шесть дней в неделю. Классы, кроме одного были русскоговорящими. А вот четвертый "а", тувинский, сразу хором заявил, устами единственного "толмача", что по-русски они ну никак... На уроке я рассказывала им тему через переводчика, а он, стоя рядом повторял классу по-тувински. Но еще интереснее было спрашивать. Что там отвечал мне вызванный к доске — бог весть, но хитрый маленький толмач всегда рассказывал то, что требовалось. Спас меня Арсен Гурамович, который, видя мои муки, забрал этот класс себе.

Деревня приготовила нам много сюрпризов. Я наивно полагаю, что молоко, мясо, да и все другие продукты мы будем покупать у местных. Но не тут — то было. Мясо и молоко все сдавали в совхоз за комбикорм для скота, овощи здесь на скудной земле росли плохо, и найти продавцов оказалось почти невозможно. В сельпо только хлеб, консервы, тушенка. Ни молочных продуктов, ни свежих мясных, ни овощей, ни фруктов... зато шоколадные конфеты всех сортов. Продавцы резонно объясняли: "Зачем же мы в деревню продукты повезем? У всех свое". Так что первую зиму с едой у нас было сложновато.

Зима пришла с новыми проблемами: в нашем только что отстроенном бетонном доме температура держалась не выше пятнадцати градусов. За стенами всю зиму от минус сорока и ниже. Сырость в квартире стояла такая, что на потолке собирался куржак, плавно переходивший в сосульки и серую плесень. Ходили в валенках, спали только что не в шапках. Чуть теплые батареи местного центрального отопления, вода в кране холодная, в баню ходили к соседям напротив. Снышки, которым было два и три года, начали простужаться и болеть. А вокруг туберкулезная палочка. Бесконечное лечение в таком доме толку не давало и к весне, когда бесконечный кашель детей стал переходить в явную хроническую, муж сказал: "Похоже, придется назначить им тубазид". Это такое лекарство, которое вместе

с туберкулезной палочкой заодно убивает в организме много чего еще. Я сказала: "Нет. Вылечу их сама". В мае, как только полезла трава, мы купили корову, куриц, завели трех поросят. Парное молоко, еще теплые яички из-под курочки, через людей раздобыли медвежий жир, варили пихтовые отвары. За лето утеплили дом, сделали собственную печку. Больше дети мои не болели. Такая вот социология... Я доила корову, кормила поросят и курят, вручную перестирывала горы белья. Есть что вспомнить.

Очень боялась потерять интеллектуальную форму, поэтому количество подписных изданий увеличилось в два раза, "толстые журналы": история, философия, публицистика. Перед отъездом я познакомилась с ТРИЗом (теория решения изобретательских задач Альтшуллера) и летала из Тувы на тризовские семинары в Норильск.

Так бы мы и остались в деревне, но грянули страшные события. В Туве в конце восьмидесятых началась мощная анти-русская кампания. Я тогда уже входила в состав каких-то комиссий, пытавшихся совладать с разворачивающейся агрессией. В соседних деревнях бутылки с зажигательной смесью летели ночью в окна русских жителей, дома полыхали, людям угрожали расправой, участились нападения. На семинарах в Кызыле нам докладывали, что республика занимает первое место по количеству убийств в России. Никогда не забуду, как в учительскую зашли начальники из райцентра и сказали, что сегодня ночью желательно принять меры безопасности. Я, подняв голову от тетрадок, спросила просто: "Это значит, что нас сегодня местные придут резать?" Они смутились, но ответили честно: "Возможно, что и так". Муж был в отъезде, и мне никогда не забыть, и никакими словами не выразить то, что мы пережили. Как мы, несколько русских семей, набившись в один домик, с маленькими ребятишками и двумя мужчинами со смешными берданками, до самого утра не сомкнули глаз, ожидая расправы... Начался исход русских из Тувы. Первыми уезжали учителя, врачи, специалисты. Стало понятно, что даже если мы и останемся, то детям нашим учиться и лечиться будет негде и не у кого. Пришлось возвращаться в Красноярск.

Этот опыт очень пригодился мне впоследствии, когда я стала заниматься исследованием новых религиозных движений. "Виссарионовцы" и неоязычники, "Анастасиевцы" и различные дауншифтеры с окултностью — мистической подкладкой, антиурбанисты разных мастей были понятны мне со своими исходными пасторальными иллюзиями и прогнозируемыми последствиями суровых деревенских реалий.

Когда мы в девяностом году вернулись в Красноярск, и я снова устроилась в школу. Перестройка бушевала уже во всех сферах жизни, включая религиозную. И вот тут мне стало интересно. Стадионы ломались от страждущих "христианского харизматического пробуждения и исцеления", где слепые прозреют и хромые пойдут. Куда ни повернешь — экстрасенсы всех сортов, гуру и ясновидящие. Ну и конечно разноцветные кришнаиты, танцующие и распевующие "харе кришна" прямо в центре города. Конечно, не заняться этой темой для меня было просто невозможно. Я сразу как-то решила, что именно кришнаиты станут объектом моего исследования, поскольку для нашей страны это явление на тот момент было принципиально новым и, как мне казалось, малоизученным. Следующие два года я регулярно посещала вайшнавские киртаны, перезнакомилась со всеми, но включиться в культовое действо не решалась. В те годы я руководствовалась почерпнутыми ранее книжными представлениями о специальных формах психологического воздействия, "вовлечения" в "секты" и опасалась слишком глубокого вхождения в группу. Сами вайшнавцы к моему постоянному присутствию и пассивному наблюдению за ними относились вполне добродушно. Так же спокойно они восприняли и то, что через какое-то время я стала приводить сюда группы студентов, которым начала читать разрабатываемый курс по новым религиозным движениям. Литературы было крайне ма-

ло, но вот живого иллюстративного материала — сколько угодно. С первых дней знакомства с новыми религиозными движениями, мне было совершенно ясно, что мой интерес к теме — не праздное любопытство. А начало перспективного научного исследования. С первых посещений этих групп я начала вести дневники, куда заносились результаты наблюдений, начинающиеся с количественных характеристик группы и фиксирующие все, что казалось мне хоть в какой-то степени интересным. На моих полках появились первые папки с материалами, имеющими хотя бы малейшее отношение к теме, литература — первоисточники, материалы самих групп и все то немногое, что можно было разыскать у специалистов. И когда наработанного материала стало достаточно, чтобы начать оформление его в научные тексты, я пошла к заведующему кафедрой философии родного педагогического университета и попросилась в аспирантуру.

Александр Моисеевич Гендин, который со студенческих лет относился ко мне очень тепло и с уважением, воспринял мою просьбу доброжелательно. Но сказал: "Я этой темой не занимаюсь, если справишься сама, я согласен тебя взять". На том и порешили. Вскоре у меня появилась вторая работа — часы на кафедре философии, потом еще одна — во втором педагогическом училище ввели курс по религиоведению и предложили мне его читать.

Кришнаиты стали первым, но далеко не единственным моим увлечением этого периода. Вскоре в наш город приехал "буддийский лама" датского разлива, который поразил меня своей непосредственностью на первой же лекции, прочитанной в актовом зале технологического института. На вопрос о том, как он, потомок викингов и христианских миссионеров стал буддистом, Оле Нидал ответил так: "В шестидесятые я был хиппи и занимался контрабандой наркотиков из Тибета. Там один чел положил мне руки на голову, и я ощутил такой кайф и увидел такой свет, что сразу понял: это круче наркотиков, гораздо безопаснее и в разы прибыльнее". Его тогдашняя книжка "Открытие алмазного пути" в первом издании и ранняя периодика (по сей день бережно хранимая в моих архивах) беззастенчиво и лихо описывает наркотические и контрабандистские приключения (опечатка, но в тему, потому я решила ее не исправлять) "гуру" и рекламирует его недюжинные мужские потенции. Уже имея двухлетний опыт общения с кришнаитами, я без особых сомнений тут же "приняла прибежище" и вскоре уже оказалась в квартирке последователей "Карма Кунзанг Дорже линг", как официально стала называться эта группа в Красноярске, зарегистрировавшаяся в качестве религиозного объединения. Краткие медитации "на кармапу" всегда заканчивались дружескими посиделками молодежи самого неформального типа. Здесь царил дух свободы — свободной любви, свободных возлияний и прочих "увлекательных экспериментов" с телом и духом. По счастью меня воспринимали как слишком взрослую "тетю", обремененную семьей и советскими предрассудками, и поучаствовать в неформальной части предлагали не очень настойчиво. Не возникло у меня и желания поэкспериментировать со своей психикой, проходя "пхову" — технику умирания, которая стала в этом направлении своеобразным "брендом". Вот поэтому мое пребывание в данном сообществе было сравнительно непродолжительным. Ровно столько, сколько было необходимо, чтобы собрать достаточное количество социологического материала, характеризующего их параметры и типаж. Впоследствии собранные материалы мне оченьгодились. В первом издании словаря — справочника "Религии народов современной России" под редакцией М.П.Мchedлова среди прочих я написала краткую статью об этом объединении. Последователям Оле Нидала статья так не понравилась, что они пришли к Мchedлову в сопровождении двух адвокатов с рекламацией и требованием опровержения. В мой адрес было сказано, что "автор всю оставшуюся жизнь будут работать на нас, возмещая моральный ущерб". В ответ я с удовольствием

прислала Мирану Петровичу большой пакет их собственных материалов и документов, фотографий со своим социологическим комментарием. Получив все вышеозначенное, больше в редакции эти ребята не появились. Забегая вперед, замечу, что "все течет, все изменяется", и сам "гуру" и его горячие поклонники стали старше, слегка остепенелись и сегодня очень стараются позиционироваться в качестве вполне пристойного традиционного буддизма линии карма — кагью.

Но самые мои любимые с тех лет и по сию пору, конечно бахаи. Знакомство мое с этой религией было весьма неожиданным. На одной из первых лекций в педагогическом училище я с гордостью поведала студенткам, что занимаюсь исследованиями новых религиозных движений. Тут же раздался вопрос: "Пожалуйста, расскажите мне, кто такие бахаи". Я, признаться, растерялась... "Может быть бхакты?". Кто такие бахаи я не знала. Мой всеведущий папа не знал тоже. Интернета не было в природе, а в библиотеке, перешарив все что можно, я ничего не обнаружила. Позднее, когда я сама уже консультировала коллег в московских религиозно-научных центрах и по поводу данного направления, я выяснила, что в советской религиозно-атеистической литературе они фигурировали в качестве "бехаизма" — позднейшей секты, что никак не раскрывало содержания и особенностей этого весьма заметного явления в религиозной жизни цивилизованного мира. Но на тот момент я почувствовала себя достаточно неудобно. Девочка, задавшая вопрос, настаивала на правильности названия, но ее случайное знакомство с бахаи не обнаруживало никакой информации о них и о месте их нахождения. Всю зиму эта проблема не давала мне покоя. Наконец весной в городском приложении к "аргументам и фактам", в рубрике вопрос-ответ я совершенно случайно прочла: "Кто такие бахаи?" — "Бахаи новая мировая религия. Хотите узнать больше — пишите на такой-то абонентский ящик". И я написала. И раз, и второй, а в ответ — тишина. Откуда же мне было знать, что всклокоченный авантюрист Васья Рагозин, который путешествуя из Нижнего Новгорода в качестве странствующего бахаи, подрабатывал где придется, в том числе в газетах, просто лентяй, которому ответить мне было недосуд. Уже через полтора года, мы вместе с ним в кампании американской путешественницы бахаи Джанет Кестер и других интересных людей впервые посетим ныне хорошо известное специалистам по НРД нашего минусинского "христа" — "Виссариона". А тогда я подумала, что, похоже это хорошо законспирированная секта, которая не желает, чтобы к ним кто-то приходил с улицы. Пришло лето, а вместе с ним традиционное русское развлечение — "дача". В начале июля, вечером, я с двумя ведрами свежесобранной клубники, чуть живая от усталости вывалилась из электрички и села в родной седьмой троллейбус, устроилась у окна и придремала. Благо, что дома не знали, заночую я на даче или нет, ведь сотовых телефонов у нас тогда еще не было. За одну остановку до моей, кто-то ласково и игриво потрепал меня по коленке. Я взвилась от негодования, собираясь завопить и возмутиться, но увидев кто это, просто потеряла дар речи. Около меня сидела женщина, совершенно фантастического вида — смуглая до черноты, в золотистом пенджаби, — которая что-то лопоча по-английски, совала мне на колени большущую книжку с цветными фотографиями. Совершенно ошалевая, я прочитала:

"Религий много — бог один", "Все народы — цветы одного сада", "Вера Бахаи". Дочитав до этого места я издала радостный вопль и кинулась к индианке на шею: "Ура!!! Наконец — то я вас нашла!!!!" Бедная моя Ситара Васудеван от испуга чуть не свалилась с сиденья. Она ожидала, как и положено миссионеру, любой реакции, но такой не ожидала точно. Увидев ее растерянность, я стала громко кричать: "Эй, кто с ней, есть кто-нибудь?" Свою остановку, понятно, я уже проехала. Над моей головой далеко вверху раздалась странная звуки. Я посмотрела вверх и увидела огромного ммм (негра), по-вашему "афроамериканца", белоснежно улыбавшегося мне и тоже что-то ло-

почушего. Для Красноярска, еще вчера "закрытого города", картина маслом... Наконец, через пару минут высунулись две сонные физиономии наших. Парень и девушка. Причем, что характерно, по-английски они тоже не говорили вообще. "Ну да, бахаи, а что.. мы тебе дадим адрес ящика и ты нам напиши..." Ну уж нет. Это мы уже проходили! Выяснив, что они едут к себе ночевать в какое — то общежитие, я твердо и радостно сообщила, что я еду вместе с ними. Во время пересадки мы с Ситарой начали общаться. В голове что-то перещелкнуло, и мы с ней стали вполне сносно понимать друг друга на каком-то небезбальном уровне. Я выяснила, что она из Индии, что ее муж — директор крупнейшей в Индии школы для детей бахаи, что она в России впервые и что все ей здесь очень нравится. Особенно подушки. Узнав, что я искала бахаи и очень люблю Индию, Ситара тут же стала звать меня в гости к себе в Панчгени. Но это случится гораздо позже. А пока... Приехав в их богом забытое чумазое общежитие, я познакомилась со всем миссионерским народом, с которыми мы с удовольствием отметили это событие, слопав оба ведра клубники и решив дружить дальше. Уже через неделю, я ехала в Новосибирск, на встречу с последней хранительницей "Руки Дела Бога", вдовой Шогги Эффенди — внучка основателя этой религии Баха — Уллы, Рухией-ханум. Там собрались бахаи из нескольких окрестных городов, в которых тогда проходил международный миссионерский проект. А по возвращении в Красноярск я забрала всю кампанию к себе домой. Мама и папа жили на даче, а в их двухкомнатной квартире поселились три индианки, две американки, одна японка, одна персиянка и парочка наших девчонок из Улан-Уде. Это была "женская комната". А в "мужской" проживал один Кастадеро, и был этим очень доволен. Тот самый двухметровый афроамериканец, парикмахер из Беверли — Хиллз. Нас удивляло то, что наши гости не переставали удивляться тому, почему мы отказываемся брать с них деньги за проживание. "Ну поймите же, — говорила я — Вы — наши гости. С гостей деньги за проживание не берут!" А они мне: "Гости, это день — два, а мы месяц у вас живем!" Но в итоге они на эту тему расслабились и им даже понравилось.

Папа в шутку называл нашу квартирку "Ноевым ковчегом" и так же безо всякого знания английского с удовольствием общался с нашими гостями на любые темы. Естественно, с этих пор я начала активнейшим образом заниматься выяснением всего, что касалось веры бахаи. И осенью, придя на первое занятие в училище, выдала целую лекцию на данную тему, реабилитировавшись в вопросе своей профессиональной компетентности. А к Ситаре в гости, в город Панчгени, штата Махараштра я все же съездила. Вместе с делегацией бахаи из многих бывших советских республик. Но случилось это только через три года, когда диссертация, в которой я впервые описала, в том числе и веру бахаи в ее современном виде, была уже защищена, а моя новая должность — главного специалиста по делам религиозной администрации Красноярского края позволила мне собрать достаточную для поездки сумму. С бахаи я дружу по сей день и рассказывать об этом движении с позиции инсайдера можно много чего интересного.

Однако самым известным новым религиозным движением из всех, описанных мною в те годы, стали "Белые Братья — юсмалиане". Эта была, выражаясь современным языком, экстремистская организация закрытого типа, попасть в которую с целью проведения исследования было действительно не так просто.

— Люда, мне бы хотелось, чтобы в следующем куске — при сохранении вашего стиля и темпа — нашлось место для рассказа о докторской...

— ...Бахаи и кришнаиты, мормоны и саентологи, муниты и сахаджа — йоги — все, что было для нас в девяностые таким новым, экзотическим, неизведанным, на Западе было изучено, описано, поставлено на полочки и пронумеровано еще в 60-70-е годы. Но нам, российским исследователям, в то время была

недоступна даже классика зарубежной социологии религии. В советском информационном вакууме, при свирепой цензуре, доступными книжками о "новых религиях" были только специальные брошюры с характерными названиями: "Яд с доставкой на дом", "Сатана там правит бал", "Секты — досье страха" и тому подобное. Чуть солиднее выглядели заказанные государством реферативные сборники с грифами "ДСП" — "для служебного пользования", которые в девяностые уже можно было посмотреть, и немногочисленные компиляционно — идеологические труды с обличением религиозных мутаций в лоне "загнивающего капитализма". Но что характерно: отечественные религиоведы до начала девяностых, а некоторые и по сию пору верят в то, что религиозные феномены — живые, подвижные, изменяющиеся — можно изучать, не поднимаясь из-за письменного стола и никогда в жизни не общаясь ни с одним верующим, ни с одной религиозной группой. Но для меня, как в свое время для отца, отсутствие готовой информации о том, что было интересно, только стимулировало и вдохновляло.

В начале 1992 года в моем родном городе, как и по всей стране, стены домов, заборы и останки запестрели красочными фотографиями молодой женщины, в белом хитоне, белой же остроконечной чалме, с епископским крестом, египетским царским посохом, и странным именем: Мать мира — Мария Дэви Христос, угрожавшей всем концом света. Дата грядущего апокалипсиса обозначалась конкретно: 24 октября 1993 г. Сегодня в России "очередные концы света" надоели даже журналистам, но тогда... Тогда это было впервые на нашей памяти и казалось, что мир сошел с ума! А живой иллюстрацией этого тезиса сделали наводнившие город эпатажные фигуры "юсмалиан", в белых балахонах, сметанных из простыней и наволочек. Молодые ребята и девушки, женщины и мужчины, с утра до вечера стоящие в самых людных местах — у рынков и вокзалов, в центре и в подземных переходах.

С остановившимся остекленевшим взором, словно магнитофоны, прокручивавшие один и тот же текст, они призывали к покаянию, пели свои псалмы, раздавали листовки. Но никого к себе не звали и даже не подпускали слишком близко. По городу поползли слухи. Позднее, читая "Апологию" Тертуллиана, я удивлялась, насколько во все века и времена однотипны мифы в отношении "неведомых страшных сект". Как и тогда, говорили про украдываемых и поедаемых младенцах, одурманивающих веществах, и конечно коллективных извращенских оргиях. Хотя, заметим в скобках, в современной цивилизованной Европе последнее уже считается вполне нормальным развлечением. А потом удивляемся, откуда берется религиозный фундаментализм. "Белые братья" начала девяностых — отдельный, локальный, пожалуй, даже уникальный, но на удивление типичный вариант жестко структурированного экстремистского религиозного сообщества эсхатологического толка. Понятие "brainwashing" тогда еще не было известно у нас. Но то, что мне удалось там увидеть и зафиксировать — истинная классика жанра. Основные результаты моих исследований, продолжавшихся внутри организации чуть более года, в итоге были оформлены в две солидные статьи [2], [3] (причем одна под псевдонимом, так как работа внутри сообщества продолжалась) и во фрагмент кандидатской диссертации.

Хотя все это я накопаю позже. А в начале самым интересным было просто попасть в организацию и начать ее изучать. Говоря приличным языком, речь шла о разведывательно-описательной стратегии, причем вопрос о выборе метода исследования в такой ситуации не стоял в принципе: работа была возможна только в формате закрытого включенного наблюдения. В те годы еще одним повальным увлечением научного и около-

научного сообщества становится психология, и в частности нейролингвистическое программирование. Переводы Бендлера, Гриндера, Эриксона, конференции, семинары, мастер-классы, — все это не обошло и меня. И в итоге достаточно помогло в решении некоторых практических проблем. Убедившись, что напрямую попасть к "белым братьям" не удастся, я решила попробовать одну из "эзелпишных" методик — "присоединение". Подойдя на улице к группе "юсмалиан", активно отбивавшихся от раздраженных граждан, я встала рядом и начала, подхватывая интонации, жесты, словечки отбиваться вместе с ними. Потом еще несколько часов совместной проповеди, подпевания, возникающее ощущение соединения, целостности, и на мой небрежный вопрос: "где сегодня встречаемся?" — адрес нужной квартиры и явочное время.

Проанализировав впоследствии принцип отбора в закрытые объединения подобного типа, уже имея достаточно большой опыт включенных наблюдений, я могу сказать, что как правило, это сугубо личностное эмоционально-интуитивное чувство "своих". Принцип абсолютно иррациональный и искусственно не очень-то моделируемый и воспроизводимый. В этом сообществе я не встретила никого, попавшего сюда при помощи посредника — проводника. Практически все "примагничивались" с улицы. В моем конкретном случае помогало и то, что социологический портрет последователей "новых религиозных движений" — "около-интеллигенция" активного молодого и среднего возраста, особенности их психоэмоционального склада (психическая лабильность, гиперэмоциональность) легко резонировали с моими собственными характеристиками, типом реакций и поведением. С одной оговоркой — постоянным осознанным самоконтролем и анализом происходящего.

Когда я оказалась внутри группы, для меня сразу естественным образом встал вопрос об этическом фундаменте используемых методов. Прежде всего для того, чтобы иметь роскошь продолжать жить с легкой душой и чистой совестью. Объясняя на лекциях студентам, почему я считаю метод включенного наблюдения допустимым и этичным, я ссылаюсь на опыт своих любимых этнографов — Сундакова, Шапошникова, Маргарет Мид. Слово герой Тартюфа, искренне удивленный тем, что всю жизнь говорил "прозой", так и мы, схватывая интуитивно по ходу развития ситуации проблемное поле исследования, спустя годы узнавали, что нечто так и называлось еще задолго до нас. "Этнографический метод" в социологии, применяемый для исследования религиозных сообществ, в России стал маркироваться соответствующим образом и использоваться, хотя бы иногда, только на рубеже XX — XXI вв. В целом и на сегодняшний день этот метод среди российских исследователей религии не получил большого распространения. Не только из-за сложности в реализации, но, вероятно, и по этическим причинам тоже. Ведь в исследовании религии "этнографический метод" отягощается нормативно-идеологическим императивом в гораздо большей степени, чем при исследовании большинства любых других сообществ. И сегодня мы буксуем, как западная социология десятилетия назад, между Сциллой "святого", "неприкосновенного", "сугубо личного", и Харибдой "шпионажа", "выведывания", "разоблачения" и "пресечения".

Большая часть мною и для себя сформулированных этических принципов оказалась коррелирующей с "этическими кодексами" западных социологов. Если очень кратко: 1. Я иду не к "сектантам", а к людям. Интересным, непонятым, незнакомым. Чтобы познакомиться, узнать, понять. На входе "я знаю только то, что ничего пока не знаю". Примерно то, что Айлин

² Григорьева Л. И. История возникновения, особенности вероучения и культовой практики, методы воздействия на психику религиозного движения "ЮСМАЛОС" (Белое братство) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом Информационный бюллетень (Москва) / Составитель: Р. А. Лопаткин. 1994. № 2, С. 22-30.

³ Григорьева Л. И. (под псевдонимом И. П. Никитин) Белое Братство — Юсмалос // Этнографическое обозрение. 1995. № 2, С. 128-140.

Баркер обозначает в качестве "исходного методологического агностицизма". 2. Доброжелательный, сочувственный интерес. Желание помочь в случае необходимости. Непричинение вреда. В том числе полная конфиденциальность в отношении информантов. 3. Не врать. Даже в закрытых включенных наблюдениях, с позиции инсайдера все знали мое настоящее имя, кто я, где работаю. Здесь — включаюсь, осмысливаю, осваиваю, как любой из членов этой группы. Мне это интересно, важно, значимо. 4. Исследование феномена, явления, процесса на основании научных методов с научными же целями. А не "аполитетика", и не "шпионаж", "разоблачение" или "обличение". Хотя идеальные принципы, что всем сегодня понятно, корректируются как ситуациями, так и личностью самого исследователя.

Знакомство с ведущими российскими религиоведами произошло, как и все самое значимое и интересное в жизни, совершенно случайно. В марте 1994 года с большим пакетом разнообразной информации, связанной с новыми религиозными движениями, я отправилась в Москву, чтобы поработать в библиотеках и поискать диссертационный совет для защиты. Остативались мы обычно в гостеприимном доме папиного близкого друга и коллеги Вячеслава Леонидовича Харазова — спецкора журнала "Наука и религия". Случилось так, что в день моего прибытия ему позвонил Эдуард Геннадьевич Филимонов — последний директор Института Научного атеизма СССР, так же бывавший у нас в гостях в Красноярске. Оказалось, что завтра в Российской Академии государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации должен состояться первый с советских времен семинар для представителей всех регионов России по вопросу как раз-таки новых религиозных движений. Узнав, что есть человек со свежими материалами, меня по-быстрому отрекомендовали Николаю Антоновичу Трофимчуку, только что создавшему в РАГСе кафедру религиоведения, который включил меня на свой страх и риск в коллектив ведущих этого мероприятия. На заседание я слегка опоздала, полный зал участников и человек пять ведущих. Вопросы с мест были сугубо конкретными: практикам из регионов необходимо было узнать про новые религиозные движения все, что только можно. Ведущим приходилось туго — уважаемые московские коллеги были, как и положено, высокими теоретиками. Чаёв с "белыми братьями" и прочими "виссарионовцами" еще не гоняли. Поэтому в очередную затянувшуюся паузу я рискнула попросить микрофон. И понеслось. В течение последующих двух часов мне пришлось вести это мероприятие в одиночку, с большим удовольствием консультируя коллег по всяческим практическим аспектам деятельности и особенностям разнообразных "новых религий". В перерыве Николай Антонович забрал меня в свой кабинет и за чаем забросал вопросами иного свойства: кто я, откуда, где собираюсь защищаться и так далее. Я честно сказала, что с советом еще не определилась, и он сразу предложил мне защищаться у него. Первым оппонентом и фактическим моим научным руководителем стал Эдуард Геннадьевич Филимонов. Причем мне повезло открыться своей защитой только что сформированный диссертационный совет. На защиту пришел легендарный Лев Николаевич Митрохин. Все заседание он просидел молча в позе критического слушания, но завершил обсуждение диссертации могучим выступлением в мою поддержку. Следующие восемь лет были неразрывно связаны с Николаем Антоновичем Трофимчуком и его замечательным коллективом. До тех пор, пока он был жив. Я продолжила полевые исследования и два-три раза в год прилетала консультировать управленцев из территорий по вопросам "новых религиозных движений".

Уже через год после защиты меня пригласили на работу в Администрацию Красноярского края, в качестве главного специалиста по работе с религиозными объединениями. Стало

еще интереснее. Да и с руководителем мне опять повезло.

Наталья Игнатьевна Григоренко, человек с удивительным сочетанием качеств — опытный политик, волевая, трезвая и при этом мудрая, очень человечная, удивительно женственная стала мне настоящим другом и соратником на все оставшиеся времена. Именно с ней мы разрабатывали и реализовывали первую программу комплексного исследования крупнейшего в России неорелигиозного объединения — Церкви Последнего Завета (ЦПЗ), в народе более известного как "секта Виссариона минусинского". Результаты этой масштабной работы вошли в мою первую монографию с неприлично длинным названием [4], ставшую библиографической редкостью уже вскоре после издания.

Постепенно вызревала докторская, смысл которой заключался в кардинальной, либо достаточно значительной смене методологических оснований понимания сути и качественных отличий феномена новых религиозных движений от всех иных типов предшествующих и параллельно существующих религиозных феноменов.

В ходе лонгитюдных полевых исследований, сбора и обработки полученных данных я регулярно напарывалась на жесткое несоответствие между представлениями, почерпнутыми из советских книжек, современной тогдашней религиоведческой литературы, журналистских опусов, и вездесущего, вплоть до академических аудиторий "общественного мнения" и "самособойразумеющихся" выводов с теми реалиям, с которыми работала. Первое и самое простое, на что пришлось обратить внимание — количественные данные. Ведь в статьях, оценивающих численность последователей этих религий "на глазок", размещавшихся даже в весьма солидных светских изданиях, нередко фигурировали миллионы adeptов, "завербованных в нашей стране новыми сектами". Еще в период работы с "белыми братьями" я развлекалась на лекциях блиц — опросах такого типа: "Каждый день, — говорила я студентам, — вы видите в городе людей из этого движения. Предположите, какова их реальная численность в Красноярске?" Цифры назывались разные, но всегда речь шла о сотнях и тысячах. Выслушав версии, я комментировала: "В нашем городе их всего двадцать шесть человек. Плюс приезжающие группы, численностью не более десятка". Броские, яркие, скандально — заметные, они создавали впечатление огромной массовки. Но вхождение в группу, знакомство со всеми и с каждым показывало совсем другую, объективную цифру. Локальные сообщества, с численностью, соответствующей параметрам классической "малой группы" — 20, плюс-минус пять человек составляли, по моим наблюдениям ядро, костяк большинства из калейдоскопа местных неорелигиозных сообществ. Все остальное, с гордостью демонстрируемое в самоотчетах и саморекламе этих объединений — быстро проскальзывающие транзитные посетители. Конечно, есть и условные исключения. Кришнаиты — до сотни добрались только лет через десять от времени появления в крае. Мормоны имеют дело у нас примерно двумя сотнями, частично обновляемых местных прихожан. Самые масштабные — виссарионовцы. Их, с чадами и домочадцами на юге нашего края зарегистрировано около пяти тысяч. Если говорить о выбравших путь сознательно — примерно половина. Но это — практически все, на сто сорок миллионов российских граждан. В филиалах даже самых крупных городов — не более полутора десятков активистов. Процент посчитайте сами.

Еще несколько моментов, на которые невозможно было не обратить внимания: в какую бы группу я не пришла познакомиться или общаться, там непременно обнаруживалось несколько до боли знакомых физиономий хороших людей из всех параллельных, уже освоенных мною, неорелигиозных тусовок. И вне зависимости от вывески с названием, типов молитв и обла-

⁴ Григорьева Л.И. Свобода совести и актуальные проблемы государственно — правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений. Красноярск, 1999.

чений везде и всюду до странности похожие интонации и перепевы одних и тех же сюжетов и вопросов. Постепенно стала выстраиваться система типичных, повторяющихся мотивов, которые в бесконечном разнообразии вариаций напоминали мне коктейль, составленный из одних и тех же ингредиентов, но каждый раз в разных пропорциях. И еще очень похожая, почти одинаковая эмоциональная атмосфера, которую я чувствовала кожей, нутром, солнечным сплетением. Причем все это совершенно отличалось, по моим впечатлениям, практически контрастировало, с атмосферой и содержанием обсуждаемых тем в православном сообществе, в синагоге, в мечети, протестантских церквях, которые я в силу специальности посещала и посещаю достаточно регулярно. Фактически, когда я выявляла критерии объекта и предмета исследования, стало ясно, что речь идет о феномене, называемом западными исследователями ньюэйджескими культурами, выделяемыми ими в качестве самостоятельного и особенного явления. Но и с зарубежными коллегами наши взгляды совпадали далеко не во всем. Айлин Баркер в одном из своих выступлений поведала нам, что на первой лекции о "странных культурах" она показывает студентам коробку конфет и заявляет, что в конце обучения вручит ее тому, кто сумеет обнаружить в этом лоскутном одеяле нечто общее. Свою вторую монографию я подарила Айлин с припиской, что претендую на ту самую коробку..

Уже в первые годы исследовательской практики для меня вдребезги разбились о практические наблюдения два главных клише, наиболее тиражируемых в нашей стране в отношении "новых религиозных сообществ". Первое обозначает исследуемое явление в качестве "тоталитарных сект". Второе повествует о "кодировании — зомбировании — гипнотизировании" их пассивных жертв.

Господи, как я мечтала хоть о каком-нибудь, хоть самом маленьком харизматическом лидере, который навел бы ну самый элементарный порядок в головах и действиях безбашенных старушек "сахаджа — йожек", когда мы с ними полдня болтались в раскаленном автобусе по Бомбсю и никто не знал, где бы нам переночевать...

Старая веберовская схема в отношении религиозных "но-

воделов", предполагавшая сектантскую структуру закрытого типа, где все как в страшной антиутопии контролируется и регулируется могучим харизматическим лидером и его ближайшим окружением, обнаружиться в спектре новых религиозных движений в принципе и с некоторыми оговорками вероятно, может. Хотя и весьма условно, на мой взгляд. И, как следует из веберовского же понимания, с которым я солидарна, при наличии горячего желания самих рядовых участников действия. Но представить себе в виде "тоталитарной секты" не только бахаи, но и разбитных оле-нидаловцев, романтически — пардон, разгильдяйских рериховцев, вечных девочек-себе-на-уме бабушек — сахаджайожек, колхозноориентированных анастасийцев, и многих — многих других просто нереально, если общаться с ними постоянно и регулярно.

И насчет "кодирования-зомбирования". Сотни формализованных и неформализованных интервью, проводимых мною годами в различных новых религиозных сообществах, начинались примерно одним и тем же вопросом: "Как вы лично сюда попали? Что привело вас в эту веру?" И независимо друг от друга десятки людей говорили мне практически всегда одно и то же: "Прежде чем оказаться здесь, я искал. Я перепробовал то-то и то-то, побывал у кришнаитов, мунитов, (далее — длинный перечень всяких — разных) и вот только здесь почувствовал, что нашел Истину!!!!" Какое уж тут "зомбирование"... Целенаправленный поиск, перемещения, приюхивание, прощупывание, примерка на себя и... Либо остаться, на время или "как там видно будет", — либо дальше, продолжать поиски "того самого места, того самого сообщества, того самого гуру, даже если его уже и нет на свете!". Личная мотивация, глубинные причины этих субъективных поисков, этого конкретного выбора, этого стиля и образа жизни, особенность этих людей, выявляемая в конкретных параметрах — вот что стало объектом моих серьезных размышлений и темой моего основного фундаментального исследования. Результаты — в докторской, если кому это интересно, разумеется.

Окончание интервью в следующем номере